

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Поэт, прозаик, культуролог. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), им. С. Н. Сергеева-Ценского (2021), им. С. С. Гуртуева (2022), им. Б. П. Корнилова (2022) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ ПРОСТОР

О шеститомнике поэта и прозаика Александра Кердана

Многотомник писателя – целый Мирь. Огромная, невероятная Вселенная. Когда выходит многотомник, словно шумит на ветру дивный лес с гигантскими корабельными соснами, с разлапистыми елями, с мощнейшими дубами... и с самой малой травкой, травинкой душистой, нежной, тайной, единственной.

Этот лес – жизнь писателя.

Эти стволы, эти ветви – дни, месяцы, годы его жизни, радостно отданной любимому труду, созданию книг, бесконечной каждодневной работы с великим русским Словом, со звёздно сияющим Логосом, а оно, Слово, мы помним, «было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна).

Александр Кердан вырастил шесть таких поэтических и прозаических лесов. И тут даже дело не в юбилее, не в возможности отметить свою хорошую, торжественную дату со дня рождения весомой, значимой работой. Дело тут в совокупности этих возможностей – в обретении себя на земле, в счастье художественного высказывания, в творческой радости большой личности.

Конечно, надо прожить на земле, среди людей, крупный, фресково-неохватный кусок жизни, многое переплыть, иное перейти вброд; бороться с пожаром злобы, зажигать огонь Духа, не сгибаться, иной раз и стоять насмерть. Если ты выбрал творчество, то – ни шагу назад. Творчество – это победа. Каждый раз победа. Над временем. Над косностью. Над неверием. Над самим собой. Творчество – это неуклонное движение к Богу.

И вот много всего наработано. Александр Кердан объединяет Вселенную своей поэзии и прозы в шесть томов. И мы входим под их словесные, образные, сюжетные, нравственные своды.

* * *

Существование многотомника загадочно не только для писателя, автора, но и для читателя. Как читатель встретит такое монументальное собрание? Вызовет ли оно живой интерес? Или масштабы предьявленного отпугнут человека, всеми последними временами настроенного на удовольствие, на отдых, на откровенный гедонизм? Что греха таить, мы понимаем общий настрой времени: скорости

увеличились, чтение плавно переселилось в область фильмов, клипов, видео – смотрят теперь гораздо чаще, чем читают, – охотятся за коротенькими романами, за лёгкими сериалами, за эстрадной рифмой, – одним словом, за развлечением.

Но есть целая армия читателей, что не сдаёт позиции Духа. Именно к ним и обращён шеститомник Александра Кердана. Можно открыть один том – и погрузиться в стихи; можно сопоставить поэзию автора с достижениями и открытиями его прозы. Мы глядимся в многотомник Кердана, как в зеркало, узнавая там себя – наше время, наших людей, наши лица, наши судьбы, – и одновременно мы видим в нём Родину: ведь Россия – это мы и есть.

Громадное зеркало бытия – вот что такое всё творчество Александра Кердана в совокупности. Шесть томов – это счастливая возможность переселиться, перелететь на планету Кердана и заняться её изучением; а на этом пути нас, и уже знакомых с произведениями Александра Борисовича, и впервые их читающих, ждут несомненные находки, потрясения, радости, озарения.

* * *

Для русского писателя существование одновременно и внутри поэзии, и внутри прозы – традиционное, привычное и во многом необходимое существование. Здесь надо помнить о законе культуры, который есть почти закон природы: чем шире душа человека, чем больше и безусловнее любит Родину и весь окружающий Мирь, всю земную ойкумену его чуткое и отзывчивое сердце, тем богаче и неохватнее диапазон жанров, в которых писатель (да и всякий художник!) работает; расширяя круг жанров, приёмов, стилистики, тем, образов, сюжетов, такой широко и оригинально мыслящий писатель поднимается до высот искусства.

Таков Александр Кердан. Вертикаль его писательских интересов и пристрастий уходит глубоко в историю, обнимает настоящее и поднимается над землёй, и он хочет посмотреть на события, на сиюминутность сверху, охватывая наблюдательным взглядом и мыслью большие пласты русской истории, психологии, культуры, искусства, разных областей жизни, разноликих её пространств.

Кердан прежде всего поэт. Поэтических штрихов, акцентов, поэтического видения у него много и в прозе. Проза и поэзия в его художественном мире сплетаются, взаимопроникают. И шеститомник даёт нам, читателям, прежде всего ощутить необычайную цельность и творческой природы писателя, и его полнокровного, полновесного художественного пространства.

Открываем первый том... тут крупная форма. «Роман с фамилией» и «Царь горы».

И становится понятно, почему писателя так тянет тема времени, образность, напрямую связанная со временем, его глубинами и высотами, его неспешным неумолимым ходом, с его тайным трагизмом (прошлое не вернуть...). Автор обнимает и мыслью, и сюжетом большие времена – эпохи. Первый век нашей эры, Рим: эпоха Христа, первых мучеников за Христа, колоссальной драматической силы столкновения христианских максим, гласящих о любви как о параллели Бога, как о первом признаке бытия Божия, и злобы людской, неистребимой и узнаваемой, в борьбе с которой либо гибнет, либо укрепляется человек, поднимаясь до бесспорных нравственных высот. После изображения Рима перед нами предстаёт другое историческое время и другие страны – Первый Крестовый поход, Испания, Иерусалим, а потом тяжёлой волной, девятым валом трагедии наваливается Семнадцатый век – век колоссального кровопролития на землях Украины. То время и для Руси-России было неизмеримо болезненным, полным духовных сражений и подлинного ужаса: это пограничное, терминальное время русского Раскола, когда схватились, в битве за древние книги, царь Алексей Михайлович и Никон, с одной стороны, а с другой – опальный протопоп Аввакум. Александр Кердан, погружая читателя в исторические бездны и в человеческие борения и страсти, говорит нам прежде всего о вечности человеческих чувств и о вечной тяге человека – познать ход времён и принять участие в переустройстве Мира. Человек всегда стоит перед выбором – его предоставляет человеку Господь. Да, история – это бушующий океан, и не всякий пловец его преодолеет, не всякий капитан доведёт свой корабль до пристани без лощи. Судьбы иной раз безвозвратно тонут в море времени. А в памяти людей остаются герои – те, кто отважился пожертвовать своей жизнью во имя великой – и часто не личной, а общечеловеческой – цели. Воин, павший в бою давным-давно, в чужой стране, в незапамятные времена, улетает душою в небо, не ведая, что станет живым звеном, соединяющим цепочку поколений...

«(...) Острие ударило меня чуть повыше кромки кольчуги, в ямочку под горлом. Удар был такой силы, что я выронил меч, сорвался с лестницы и полетел вниз, задыхаясь и захлёбываясь собственной кровью. И тут как будто раздвоился.

Одна часть меня продолжала стремительно падать, другая – неожиданно легко взмыла ввысь. Воспарив, увидел всё происходящее со стороны. (...)»

Удивителен этот момент перевоплощения, интенсивного проживания других жизней, отдалённых от нас вереницей долгих веков...

И всё время, лейтмотивом, звучит в романе авторский голос, приёмом «от первого лица», и человек размышляет о судьбах семьи, о неповторимости прошлого, о чудесах будущего, которые нам не дано увидеть...

«По задумке Творца, судьба каждого человека предопределена. И хотя у сотворённых по образу и подобию Его сохраняется право выбора, возможность сделать шаг по торному пути или свернуть на обочину, воспользоваться даром Божьим или зарыть свой талант в землю, – мне кажется, что всё, что со мной должно случиться, уже случилось.

Мне дано родиться, увидеть белый свет, дарована способность видеть, слышать, дышать, двигаться, мыслить, страдать и сострадать, познать творческие муки и вдохновение...»

Роман «Царь горы» тоже соединяет времена. Как в своё время пел Виктор Цой: «Перемен, мы ждём перемен!..» Не всегда перемены идут во благо государству и его жителям. В этой работе Александр Кердан говорит о подлинном, об истинном, о пережитом. И сам вкладывает сильное собственное чувство в размышления, и сюжетные и «закадровые», которые мы способны лишь почувствовать, о времени, истории, событиях. Можно ли было предотвратить огромное горе разлома и гибели Советского Союза? Мы потеряли сильную, великую, цельную, крепко сколоченную страну. Конечно, в то время перед нами вставало много соблазнов, и первый из них – свобода. Пресловутая свобода, за которую боролись наши прадеды, сыграла с нами, со страной, плохую шутку – общество раскололось, одни люди видели ход событий так, другие иначе, и эта борьба мировосприятий обернулась возникновением целого букета войн, восстаний, смертей... И то, что сейчас происходит с нашей соседней страной-сестрой, бывшей республикой СССР, есть результат тех горестных, горьких, но, увы, бесповоротных исторических событий.

И боль войны Кердан тоже изображает в романе: это афганская война, и её трагизм поднимается словно бы из глубин воспоминаний, написан строгими, скупыми, сдержанными красками – и тут же вспыхивает ярким, страшным светом военной реальности:

«Рядом с носилками семенил капитан-медик с системой для переливания крови в поднятой руке:

– Кто это, док? – спросил Борисов.

– Прапорщик, десантник... Минно-взрывная травма обеих нижних конечностей... В Кабул везём... – на ходу отозвался тот.

– А фамилия как? – Борисов пошёл рядом.

– Щуплов... Прапорщик Щуплов. 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк... Знакомый, что ли?..

– Знакомый... – Борисов скорым шагом пошёл к “таблетке”, у которой поджидал его майор Петров.

– Что, сослуживца встретил? – поинтересовался он.

– Одноклассник. Женька Щуплов, второгодник и школьная шпана... Никак не ожидал его здесь увидеть... (...)»

* * *

Во втором томе собрания сочинений Александра Кердана опубликована историческая диалогия «Берег отдалённый...». Первопроходцы Русской Америки – кого не волновали, особенно в юности, их яркими факелами горящие судьбы? Кердан предстаёт тут перед нами как великолепный мастер сюжета. Живо и энергично разработанный сюжет придаёт прозе оттенок пространства кино, делает роман зримым, и книга «пускает» нас в себя жить, становится увлекательным, познавательным трёхмерным фильмом, героям которого сопереживаешь. Блестяще разработанная событийность, рельефность характеров исторических персонажей – да, это прекрасный материал для режиссёра!

И какие люди являются на страницах книги!.. Гордость русской истории... Николай Резанов, Иван Крузенштерн, Кирилл Хлебников, Дмитрий Завалишин...

«Те, кто провёл многие месяцы во власти океана, подтвердят: нет радости большей, чем снова ощутить под ногой надёжность матёрой земли. И если уж потомки неустрашимого Беринга, как дети, бывают счастливы появлению на горизонте любого клочка суши, то что говорить о тех, для кого пресловутые футы под килем – наказание господне!

Речь о невольных пленниках зыбучей стихии, об этом балласте океанических судов – их много-страдальных пассажирах. Для последних вернуться в привычный сухопутный мир – словно заново родиться на свет. Они вдругорядь учатся ходить по земной тверди, словно впервые восхищаются всем, чем богата земля: лесом, ручейком, цветком на обочине. Но ни с чем не сравнимо чувство путешественника, когда и лес, и ручей, и цветок, которые он видит перед собой, родные, российские. И пусть земля, на которую он ступил, – это самая дальняя оконечность Отечества, всё одно – родина! (...)»

Родина... Задумаемся над этим словом. Дадим охватить, обнять себя этому огромному и светлому чувству, чувству Родины. Каково им, отважным нашим русским, было там, на другой оконечности Земли? Но они служили Родине, работали во имя Родины, на благо Родины.

И вся ткань произведения пронизана, пропитана живыми разговорами, диалогами, общением, которое, по утверждению Антуана де Сент-Экзюпери, и есть самая большая роскошь...

«– Чего сумерничаешь, Андрей Александрович?

– Карты отыскал в архиве, Кирилл Тимофеевич... Очень занятные. Составлены лейтенантом Романовым в его бытность в колониях. А вот описание путешествия Корсаковского по Юкону...

– Для чего понадобились тебе сии труды?

– Хочу подготовить экспедицию, Кирилла Тимофеевич. Такую, чтобы дойти посуху до мыса Барроу и до Ледовитого моря... Вот, посмотрите: от озера Нушагак, через горный хребет в долину Кускоквима...»

Мощное дыхание Тихого океана. Обычаи и уклад чужих племён, чужедальних народов. Освоение неведомых земель. Любовь, принесённая в жертву науке, политике, изысканиям, флоту, государству. Ландшафты Северной Америки – и строгие улицы Санкт-Петербурга, испанские блестящие балы – и индейские пещеры... Александр Кердан в этой диалогии выступает как превосходный живописец словом. Ему одинаково хорошо удаются и изображения природы, и человеческие неодолимые страсти, и философские раздумья героев.

* * *

И что же? Русская Америка, великая русская история не отпускает ни автора, ни нас с вами, дорогие читатели. Третий том собрания сочинений Александра Кердана снова обращён к тематике, к образам Русской Америки. Это романы «Крест командора» и «Звёздная метка».

В «Кресте командора» перед нами – мощнейшая фигура Витуса Беринга. Его Вторая Камчатская экспедиция открыла России новые земные горизонты, новые земли. Финал романа знаковый; в размышлениях человека о судьбах тех, кого уже нет на земле, просвечивает неколебимая уверенность в том, что герои сделали масштабное, грандиозное дело, отворив государству Российскому новую историческую дверь:

«Заметив обглоданные кости, Шелихов подумал, что надо перезахоронить эти безвестные останки, да и полусгнивший крест над могилой Беринга заменить... А ещё подумалось ему, как запутана жизнь: в ней и великое, и низкое, и память, и забвение – рядом. “После смерти происхождение и вера значения не имеют. Важно, ради чего жил человек, служил ли добру или подличал, исполнил ли свой долг или нет...»

Для командора Беринга и разделивших его долю рядовых матросов главным итогом земного пути стали не их слабости и просчёты, приведшие на этот островок. Главным было другое – в тяжких каждодневных трудах совершили они почти невысказанное – великие открытия, которые навсегда останутся славой России”.

Шелихов долго глядел на океан, за которым лежала Аляска... (...)»

Сначала мы открыли и завоевали Аляску. А потом её потеряли. Это явилось геополитической драмой, если не трагедией. И здесь Александр Кердан касается вопросов более чем насущных именно

для нашего сегодня. Мы все это понимаем. Россию Запад, страны атлантического мира всегда хотели расчленивать, разорвать на куски. А та часть Америки, которая пребывала русской настолько, что люди там уже ходили молиться в православные храмы, была продана в 1867 году; и писатель показывает, сквозь боль и горечь неизбежного, насколько важна была земля Аляски для России и какова была мера и политической, и финансовой, и хозяйственной трагедии после этой печальной сделки.

«(...) О потерях моральных для национального самосознания и упущенных стратегических выгодах для Российской империи говорить и вовсе не приходится.

США, напротив, выиграли во всём. Геополитические последствия сделки – однополярный мир и доминирование в нём Соединённых Штатов Америки, которым именно приобретение Аляски позволило определять политику сначала в своём регионе, а впоследствии и в масштабах всего земного шара. (...)»

Кердан пишет об этих роковых последствиях продажи Аляски прямо, не завуалированно, горько, смело. Мы сейчас, из нашего исторического далека, видим, что всё так и произошло...

* * *

Откроем четвёртый том: здесь повести, рассказы и роман «Караул». Этот том можно назвать томом военной прозы Александра Кердана.

Сам военный человек, отдавший службе в армии много лет, автор великолепно, полно и глубоко знает военную жизнь. Всё событийное, всё изображаемое пропущено через судьбу, сердце, непростые, серьёзные раздумья о судьбах солдат и офицеров, о бытии русской армии. Тридцать лет службы в Вооружённых силах родной страны подарили писателю необходимый, насыщенный армейский опыт. Кердан дослужился до полковника, и это уже о многом говорит. О смелости; об ответственности за службу; об энергии действия; о верности присяге и Родине. Конечно, всё увиденное, услышанное, пережитое легло в основу этой прозы, и автор берёт читателя в плен и подлинностью пережитых сюжетов, и силой откровенности, и мастерством психологических характеристик, и, конечно, изображением контрастных человеческих судеб – тут широкий нравственный диапазон: вот героизм, а вот лукавство, подлость, злоба. Они никуда не исчезают из нашей жизни. Но осмыслить их необходимо.

Вот рядом – ужасная смерть и светлая, ласковая, продолжающаяся наперекор всему жизнь...

«Вернулись к своим. Осмотрели убитых. Это были солдаты и офицеры первой мотострелковой. Лица троих представляли собой кровавое месиво. Ещё трое сильно обгорели. Тело старшего лейтенанта Морозова было изувечено, но голова уцелела. Ещё один убитый – командир взвода Рязанцев – был без головы. Его опознали по наколке на левом плече – «Московское СВУ». На теле Рязанцева были видны следы пыток, а ладони пробиты. Очевидно, перед смертью его распяли.

У Смолина желваки заходили на скулах. Он ссутулился ещё больше и молча ушёл в штаб-подвал. Кравец отправился следом. Все необходимые распоряжения по отправке погибших отдал Долгов.

Ночью они решили раскупорить остатки водочного “энзэ”.

Рядом крутился щенок дворняжки, которого солдаты нашли среди руин соседнего дома. Был он мохнатый, округлый, смешно переваливался на коротких лапах и всем своим видом подтверждал кличку, на которую отзывался, – Шарик. Щенок холодным носом тыкался в ладони, то к одному, то к другому. Наконец он устроился на коленях Долгова, время от времени, поскуливая, преданно заглядывая ему в глаза и пытаясь лизнуть в лицо. (...)»

Этот маленький весёлый щенок рядом с трупами замученных, распятых врагами друзей – тот необходимый художественный контраст, что внезапно становится жизнью, правдой и неистово переворачивает душу.

Зададимся вопросом: а вечна ли на земле война? И задумываются ли над этим люди военные, армейские? На примере Александра Кердана мы видим: не только задумываются, но и героически отдают свои жизни за то, чтобы те, кто воспевают и превозносят войну, когда-нибудь навеки сложили оружие.

* * *

Обратимся к пятому тому. Тут самое волшебное и необъяснимое, что только есть на земле в формате человеческого Слова, – поэзия.

Поэзия Александра Кердана разнолика. Она то проста до прозрачности, то драматически нагружена, то исповедально нежна, то любовна и страстна. Разнообразие интонаций говорит о разно-

образии образов. Но самое важное, самое главное, доминантное в поэтике Кердана – её неистребимая народность. То тайная, то явная, праздничная. То вложенная внутрь раздольной либо озорной, как частушка, песенной интонации, то распахивающая над родной землёй широкие, вольные крылья всеобъемлющей любви. Кердан, да, очень песенный; и о песне мы ещё скажем отдельно.

И военная его жизнь – вот она, опять перед нами, стучит колёсами вечного эшелона:

*Судьбы моей военный эшелон,
Неотвратно мчащийся куда-то.
Теплушечный, как в давнем сорок пятом,
Где все мы улыбаемся девочкам,
Что машут нам платочками вдогон.*

*Сначала ты застёгнут по уставу,
Но вольнице уставы не по нраву,
И посредине долгого пути –
Расхлёстанный, почти уже базарный,
Но всё ж – военный, так как дух казармы
Ветрам, и тем не просто извести. (...)*

Здесь ставится знак равенства между эшелоном, грохочущим вдаль по рельсам, и отдельно взятой человеческой судьбой; здесь и воспоминание о трагедии войны, и предчувствие любви («...улыбаемся девочкам...»), и констатация вечной памяти войны, казармы, армии, службы.

Военные воспоминания и ассоциации приходят и в любовь, и в пространство разлуки, и в нахлынувшее счастье:

*(...) Но – не умер – жить остался,
С духом всё-таки собрался.
От любви не отрекался
И оставшись без любви...
И за чёрной полосой –
Так уж этот мир устроен –
Как солдаты, ровным строем
Дни счастливые пришли.*

А вот и прикосновение к теме всепожирающего Времени. Прикосновение обжигающее. Как всегда, когда мы осознаём ход времён: быть может, время не идёт, а недвижно стоит, а это мы идём, бежим, летим, ковыляем в нём, его преодолевая, себя – в нём – навек запоминая, но не имея возможности вернуть...

*Бежит мальчика, а навстречу
Ему едва бредёт старик...
Сойдутся, как рассвет и вечер,
И разойдутся в тот же миг.*

*А я – сторонний наблюдатель –
Стою, их встречу задет:
В душе – мальчика и мечтатель,
Хоть за спиной полсотни лет.*

*Стою, на опыт не в обиде
И не в претензии к судьбе,
Как будто миг назад увидел
Себя, бегущего к себе.*

Вот это «...себя, бегущего к себе» – удивительное, одновременно и авангардное, и архаическое зеркало, отражающее другое зеркало; попытка обнять сердцем и нашу смертность, и нашу бесконечность.

Поэт не боится говорить о смерти, о навечной разлуке. Бездна небытия – как бездна Тихого океана, так величественно изображённого в романах, посвящённых Русской Америке. Но рядом любовь. Пока рядом... Нет! Не пока! Не на время! Любовь будет рядом всегда. Она и есть обещание вечности, её неоспоримый признак в зыбком мареве мимо летящих ночей и дней...

*А ведь придётся расставаться
И нам с тобой, любовь моя...
Мы на границе бытия
Уже не сможем задержаться,
И первым в бездне кану я. (...)*

От земли взор поэта поднимается к небесам. К Богу. Но через призму чьей жизни, чьей души поэт созерцает Бога? Бог говорит тихим, родным, нежным голосом матери.

*Припомнилось, как мама говорила:
– Наступит день, и я сойду в могилу.
Ты можешь потерять друзей, сынок,
И даже без жены остаться милой,
Но всё равно не будешь одинок,
Пока с тобою остаётся Бог.
Поверь мне: нет страшнее ничего,
Когда в душе нет места для Него,
Способного всё выслушать без спора,
Тебя простить без всякого укора...*

Мы для наших матерей всегда дети, сколько бы лет нам не исполнилось, какой бы неизмеримый путь мы не прошли по широкой земле. Александр Кердан пишет портреты матери во многих стихах, и вспоминаешь портреты старых мудрых женщин кисти великих русских художников – Ильи Репина, Ивана Крамского, Валентина Серова, Филиппа Малявина... Мать для поэта свята. Мы счастливы, пока мы можем припасть к груди матери, обнять её колени...

Как совершается переход? Где эта граница между бытием и небытием, где этот терминал, куда, дрожа, молясь, в свой черёд входит всякий живущий? Наши матери, наши отцы уходят в Мирь Иной. А мы, мы не знаем часа своего...

*(...) Наверно, мама, ты опять права,
И нет билета в ту обитель прямо,
Откуда прорастает ввысь трава,
Зелёная, как купола у храма.
А в ту обитель, где царит твой дух,
Билет даётся лишь по воле свыше...
Я сам туда дорогу не найду,
А спрашиваю – и ответ не слышен.*

Мать – это жизнь. Но война и гибель так рядом. Каждый в ответе за мир. И каждую душу, объятую тревогой, слышит поэт, ибо на всеобщую боль отзывается его душа.

*Моя передовая
Без залпов и огня –
Третья мировая
Идёт внутри меня.

А вырвется наружу –
И всё спалит дотла...
Проходят через душу
Фронты добра и зла. (...)*

И шестой том естественно, с внутренней грацией и гармонией продолжает пятый; здесь опять стихи, но ещё пригоршни словесных сокровищ – песни, переводы, сказки, очерки. И много светлых, торжественных, звонких нот тут звучит, оркестр природы подчиняется дирижёру-поэту! С течением жизни мы начинаем лучше и глубже, любовнее слышать и видеть природу, – мы становимся ближе к ней, нам внятны голоса земли, зверей, растений, мы видим лик небес.

*Гроза, перепугав, отгрохотала.
Но страхи все рассеялись как дым,
Когда внезапно солнце просияло,
И радуга – в полнеба – вслед за ним! (...)*

И поэт слышит самое драгоценное, наверное, от сотворения Мира – тишину... Тишина – камертон любви. Тишина – дорога солнечного громадного, как Гималаи, облака в летнем синем зените...

*Незаметно, спозаранок
На заштатный полустанок
Поезд вполз,
И тишина
С двух сторон тотчас повисла,
Переполнив новым смыслом
Жизнь вокруг...
Она одна,
Мир безумный наш спасает,
И собою заслоняет,
Хоть сама хрупка она...*

А вот и песни! Песенные тексты – целая область Логоса, где он должен сплестись с Голосом, на выходе образовав музыкальное единство, неразъёмную гармонию, новый музыкальный Космос. И какими только гранями не заиграет слово поэта, находящееся в стихии ритма, захлёстывающей эмоции, формата куплета-припева!

*Зимним утром в поле чистом
Весь в алмазах белый снег.
Колокольчик серебристый
Рассыпает нежно смех.
И звенит, звенит, звенит,
И звенит, и говорит:
На деревне нынче свадьба –
Эх, погулять бы,
Эх, погулять бы!
Тройка птицею летит! (...)*

И родная армия всегда рядом. Незабываема она! И как не вспомнить песни в строю!..

*Покуда есть
На свете честь,
Судьба прикажет,
Скажем: «Есть!»
Мы в бой любой
Пойдём с тобой –
Нам так назначено судьбой!*

А как прекрасны переводы Александра Кердана – удивительно его понимание северных поэтов, вот Юрий Вэлла (Айваседа), его стихи про экзотический для русского человека бубен – вполне шаманский предмет, но он же – олицетворение солнца, луны, круглой земли, круглого священного озера в тундре, круглого человеческого лица, улыбаясь, глядящего в твоё лицо, а после в небо, в вечность... И этот звонкий бубен, символ всей великой природы, своим ритмом, стуком и звоном помогает человеку совершать важное дело: петь песню.

*На стене висит мой бубен,
Звонкий, как твоё сердечко.
Он умеет среди буден,
Тишину храня, терпеть.
Знает: праздник всё же будет –
Я сниму его и к печке
Поднесу, чтоб отогрелся
Перед тем, как песни петь.*

*Пусть мороз звенит в округе,
Словно тетива на луке,
Пусть буран стучится в двери,
Разъярённый, как медведь.
Но со мной мой верный бубен –
Мы не предадим друг друга,
Потому что в песню верим –
Песни лучшие вместе петь!*

Вот поэтесса коми – Анжелика Елфимова, с её обострённым, таинственным чувством природы, воды, глубины, ходящих в глубине рыб...

*Когда луна как жёлтый поплавок
Качалась в небе, листьев звонкой жестью
Шумел сентябрь... При помощи острог
Мы добывали рыбу с другом вместе.*

*Река наш чёлн как жёлтый лист несла.
Спала земля, а в водах отражались
Созвездья золотые без числа
И к нам, как рыбы стайки, приближались. (...)*

Не только Северу верен переводчик Кердан; в его творческом багаже – переводы азербайджанских, болгарских, белорусских, удмуртских, колумбийских поэтов и поэтов многих других стран. Земля многолика. Колоссально разнообразие поэтических миров, национальных поэтических красок, интонаций, мегаобразов. И Александр Кердан способен перевоплощаться, проживать множество других жизней – так, как если бы это была его собственная жизнь. И это признак гигантской, неиссякаемой пассионарности его вечно работающего, ищущего духа.

* * *

Сказки... детские сказки... Волшебная сказка – то, без чего не может жить ни один ребёнок, не проходит ни одно детство на Земле. «Сказка про Поповича», «Старое ружьё», «Солдатская сказка», «Мальчик – золотые ножки», «Пуговица» – самые настоящие волшебные сказки, и кто знает, как в них авторская фантазия сплетается с народной, авторские находки – с услышанными у старых уральских бабок полночными сказочными байками?.. Увлекательнее сказки нет для дитя пространства, – там можно жить, путешествовать, смеяться и плакать со сказочными героями. Именно таково царство сказок Кердана, и уже множество детишек в нашей стране любит его незабываемых героев:

Пуговицу-ворчунью и Царевича – золотые ножки, Медведя, героя-Солдата и важного Генерала, Попа и Поповича... В этих сказках – Россия, старая Русь: с её чудесами, с её заговорами и ведуньями, с её противостоянием самого нижнего и самого верхнего, владычного, с её поиском справедливости и счастьем любить. Да, эти сказки полны любви и света. И это главное в сказках. И – главное для писателя.

А какой писатель без очерков? Очерки Александра Кердана не столько журналистские, сугубо документальные, сколько писательские, художественные. Они сочетают в себе качества эссе, прозаических этюдов и собственно очеркистской стилистики:

«В этом имени собственном есть для всякого пишущего человека какой-то магнетизм или что-то иное, близкое к понятию “намоленность”. Человек верующий знает, что это такое. Для остальных поясню: в намоленной церкви витает (или обитает – не подобрать точного определения) Дух Святой – Нечто метафизическое, позволяющее ощутить почти явственное присутствие Бога, гармонию с миром и самим собой.

Что-то похожее я всегда ощущаю в Переделкине. (...)

«Снова вспомнились слова моего недавнего собеседника о “хозяевах” и “временщиках”. Подумалось, что, по самому большому счёту, все мы на этой земле – “временщики”, ибо когда-то умрём. Да, жизнь человека имеет начало и конец, если не думать о вечном предназначении души человеческой, если забыть о Том, Чьё Имя славят колокола Далматовского монастыря, издавна известного своими подвижниками и молитвенниками. Они учат нас не быть “временщиками”, строить свою земную жизнь по образу и подобию Его, исповедают хозяйское отношение к окружающему миру как творенью Божьему.

Именно так относились к природе и к миру люди в прошлые столетия. Скажем, те же герои моего исторического романа о русских переселенцах, ждущие моего возвращения к ним. Это отношение и помогло им сделать нашу страну великой Державой, совершить бессмертные открытия. Таким бережным отношением к земле славились и наши более близкие предки – русские крестьяне, кормившие хлебом не только родную страну, но и всю Европу... (...)

Правда – завет литературы невыдуманной, документальной. Но дело не только в правдивом изображении случая, героя, проблемы. Дело ещё и в том, насколько сильно, весомо, ярко, энергично, философски, необычно подан этот невыдуманный материал. И здесь надо быть художником. Именно художник пишет огромный холст, портрет действительности своими самыми самоцветными, драгоценными, оригинальными красками.

* * *

Александр Кердан – один из масштабных мастеров сегодняшней литературной России. Его жизнь, его работа – достояние Родины. Много сделано им, но ещё больше ему откроется; важно идти по пути, глядеть вдаль, видеть цель, радоваться неповторимым впечатлениям единственного земного бытия.

И знать, помнить, что над головою – великое, ясное, Божие небо. Бесконечность. Беспредельный простор.

*Не бойся, голубь, я тебя не трону,
И ты меня, пожалуйста, не тронь...
У Господа на трепетной ладони
Мы все дрожим, как трепетный огонь,
Пред Вечностью и человек, и птица –
Случайные мгновенья бытия...
Не знаешь ты, не ведаю и я,
Когда тебе и мне уйти случится.
Но верую: душа моя, крылата,
Как пёрышко единое легка,
В свой час вспорхнёт и полетит куда-то –
За облака, дружок, за облака...*